Е. А. Мухина
Петрозаводск

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

Формирование научного подхода к изучению духовных стихов шло вместе с развитием фольклористики как науки. Известно, что в качестве объекта рецепции фольклор прошел путь от «остатков невежественной старины», «народного бескультурья»[1] до народного творчества, имеющего высокое эстетическое и этическое значение.

В авангарде разработки научного исследования духовных стихов стояло собирательство, достигшее в 30-е годы XIX века небывалых масштабов. Во главе собирательского движения стоял П. В. Киреевский, который первый заметил наличие характерных черт в произведениях, впоследствии объединенных в жанр духовных стихов. Именно сборник духовных стихов П. В. Киреевского послужил толчком к началу изучения этого жанра, которое затем шло параллельно с издательской деятельностью.

Основы филологического изучения духовных стихов были заложены в 50—60-е годы XIX века представителями мифологической школы Ф. И. Буслаевым, Н. И. Надеждиным, И. И. Срезневским, Н. С. Тихонравовым, А. Н. Афанасьевым, а также собирателями В. Варенцовым, П. Бессоновым. В центре внимания исследователей стояли вопросы, касавшиеся времени возникновения, источников, среды, создавшей духовные стихи, и некоторые др. Так, Ф. И. Буслаев, обратившись к изучению христианских мотивов народной поэзии, существенно углубил современные ему представления о духовных стихах и впервые отметил в них разновременные и разнохарактерные явления. Поднимая вопрос о среде создания духовных стихов, Ф. И. Буслаев вводит понятие «избранной массы», включавшей в себя как «книжных людей», так и людей безграмотных[2]. Именно ей, не составлявшей особого сословия, а являвшейся в виде «корпорации», духовные стихи, по Буслаеву, обязаны своим происхождением. Проблема иноземных влияний на русский духовный стих решается исследователем в пользу самобытности последних, а схожесть сюжетов духовных стихов разных народов объясняется им одинаковыми «настроениями фантазии».

Мысль о заимствованном характере русских духовных стихов была высказана собирателем В. Варенцовым в предисловии к его сборнику[3], где превалирующая роль в привнесении стихов в жизнь древних русичей отводится паломникам по святым местам Греции и Палестины.

© Мухина Е. А., 2001

[1] *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 123.

[2] *Буслаев Ф. И.* Русские народные стихи // Русская речь. 1861. № 23. С. 351.

[3] *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. М., 1860.

В. Варенцов, продолжая развивать положение Ф. И. Буслаева о разновременном происхождении духовных стихов, выделил две группы текстов и указал их источники: 1) древние стихи, которые произошли из старинных апокрифов и пришли из Византии через посредничество южных славян; 2) стихи ближней к нам эпохи, взявшие мысль из книжной литературы и сохранившие подробности рассказа и выражения книжных источников.

Представитель мифологического направления П. Бессонов, высказываясь о времени создания духовных стихов, относит их возникновение к весьма отдаленной эпохе, связывая стихи с творчеством языческого периода, проступающим сквозь церковные культурные наслоения. Именно П. Бессонов ввел ставшие терминологическими определения для гетерохронных стихов: *старшие* (более древние) и *младшие* (более поздние), установив при этом их дифференциальные признаки: стихи «младшие различаются от старших и *по происхождению*, ибо большей частью из книг и с письма переходят в уста народу, тогда как старшие наоборот; и *по употреблению,* ибо являются чаще в книгах и рукописях, чем в устах народа, а у народа чаще в семье и в беседах, чем у калек-перехожих; и *по истории,* ибо моложе своим появлением, *обязаны всего более 17 в.,* юго-западу Руси..., тогда как старшие большей частью сложились и сохранились у Великой Руси или, лучше, просто у Руси, *до обособления Малой и Белой,* притом со времен отдаленных»[4].

Тем не менее вопрос о времени происхождения духовных стихов продолжал оставаться в мифологической школе дискуссионным[5].

В своем известном труде «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьев дал многочисленные мифологические толкования мотивов и образов духовных стихов. Не отрицая церковно-книжного происхождения их сюжетов, он акцентировал внимание на сюжетно-организующей роли книжных произведений, придававших разрозненным языческим представлениям композиционную оформленность[6].

Значительным шагом вперед в изучении духовных стихов был опыт анализа Д. Дашкова, который привлек для этой цели сравнительно-исторический метод и проанализировал отдельный стих («Алексей божий человек») с точки зрения возможных источников[7].

Резюмируя деятельность ученых-мифологов, необходимо отметить их обращение к наиболее общим вопросам, касавшимся в целом всех произве-

---

[4] *Бессонов П.* Калеки перехожие. М., 1863. Вып. IV. С. 25.

[5] *Некрасов И. С.* Замечания по поводу русского народного сказания о 12 пятницах // Филологические записки. 1870. Вып. 2; *Пыпин А.* Русские народные легенды // Современник. 1860. Март; *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Записки Императорской академии наук. СПб., 1867. Т. 31—32.

[6] *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865.

[7] *Дашков Д.* Стихи и сказания про Алексея Божия человека // Беседы общества любителей российской словесности. 1868. Вып. 2. С. 20—52.

дений этого жанра: время возникновения, источники, исполнители, среда создателей и др. Интерес к изучению конкретных текстов в это время пробуждается пока еще только на одном из возможных уровней — источниковедческом, и это позднее нашло продолжение в работах представителей культурно-исторического направления (термин Ф. М. Селиванова[8]).

В исследованиях ученых культурно-исторического направления (1870-е годы — начало XX века), занимавшихся в первую очередь отдельными сюжетами и выявлением конкретных текстовых источников духовных стихов, намечается расширение круга изучаемых проблем. Продолжаются дискуссии по вопросам о времени создания духовных стихов[9], среде их возникновения[10], о влиянии иконографии на процесс творчества авторов стихов[11]. На материале «Голубиной книги»[12], «Сна Богородицы»[13] и некоторых других сюжетов выполняются интенсивные разработки источниковедческого характера. Изменениям, которые стих переживает в устах певцов уже после своего создания, посвящены работы А. И. Кирпичникова, Ф. Батюшкова, Е. Ф. Будде, Ю. Соколова[14]. Обсуждаются проблемы специфики русского духовного стиха сравнительно с западным[15], связей духовного стиха с другими видами народного творчества[16].

---

[8] *Селиванов Ф. М.* Народно-христианская поэзия // Стихи духовные. М., 1991. С. 3—26.

[9] *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. СПб., 1879—1891. Вып. 1—6.

[10] *Батюшков Ф.* Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891; *Пономарев А.* Народный певец-сказитель среди студентов Духовной академии, и кем создавались народный каличьи духовные стихи // Странник. 1893. Май; *Аничков Е.* Из прошлого калик перехожих // Живая старина. 1913. № 1—2.

[11] *Кирпичников А. И.* Святой Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879; *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности. Тула, 1879; *Соколов Б. М.* Святой Димитрий Солунский и Мамай в духовных стихах и на иконе // Этнографическое обозрение. 1909. № 2—3.

[12] *Мочульский В.* Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887.

[13] *Веселовский А. И.* Опыты по истории развития христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения (далее как ЖМНП). 1876. Март. С. 112—116; 1877. Февраль. С. 186—252.

[14] *Кирпичников А. И.* Особый вид творчества в древнерусской литературе // ЖМНП. 1890; *Будде Е. Ф.* Новый вариант народного стиха «Плач Адама» // Русский филологический вестник. 1891. № 2. С. 288—307; *Батюшков Ф.* Указ. соч.; *Соколов Ю. М.* Весна и народный аскетический идеал // Русский филологический вестник. 1910. № 3—4. С. 79—91.

[15] *Будде Е. Ф.* Место и значение духовных стихов в истории русской народной словесности. Воронеж, 1883.

[16] *Миллер В.* К былине о 40 каликах со каликой // ЖМНП. 1899. Август; *Яровский Ю. А.* Очерки по истории русской народной словесности. II. Духовный стих о грешной деве и легенда о нерожденных детях. Киев, 1905.

Функционирование духовных стихов в певческой среде привело к изучению стихов как произведений синтетического словесно-музыкального жанра[17].

Значительным шагом вперед в исследовании рассматриваемых текстов является работа А. Маркова, выявляющая некий общий принцип исторической периодизации стихов[18].

В XX веке написаны фундаментальные труды В. П. Адриановой[19] и Б. М. Соколова[20]. При анализе стиха «Алексей, человек Божий» В. П. Адрианова затрагивает целый комплекс вопросов, касающихся истории духовного стиха: времени создания, источников, состава начального стиха, личности творцов и носителей стиха и др. В работе Б. М. Соколова рассматривается вторая часть «большого» стиха о Егории Храбром (Егорий на Руси), ставятся вопросы о самостоятельности этого стиха, предпринимается попытка определить реальный исторический прототип Егория Храброго, а также определить время создания стиха.

В источниковедческом плане проанализированы духовные стихи в отдельных главах труда А. Н. Веселовского (см. сочинения, указанные выше). Развернутые на фоне богатого сравнительно-исторического материала, постепенно отражающего диффузию народных верований, духовные стихи находят свои книжные «прототипы»: литературный оригинал установлен для стихов «Сон Богородицы», «Эпистолия о неделе» и некоторых других произведений. Последовательное применение сравнительно-исторического метода в работе А. И. Кирпичникова[21] способствует не только выявлению книжных источников целого ряда духовных стихов, но и определению доли «народного творчества» в стихах, которая, по мнению исследователя, «ограничивается только стихотворной формой и теми украшениями сюжета, которые она обуславливает»[22]. Отрицая наличие мифологического воззрения в духовных стихах, исследователь выступает против их интерпретации как связующего моста между старой и новой религией.

Важно, что в ходе исследований ученых культурно-исторического направления начинают вырабатываться некоторые общие методологические принципы в определении первоначального состава стиха. Опыт филологического изучения одного духовного стиха представлен в исследованиях

---

[17] *Маслов А. Я.* Калики перехожие на Руси и их напевы. СПб., 1905; *Сперанский М. Н.* Курский лирик Т. И. Семенов // Этнографическое обозрение. 1906. № 1—2. С. 13—28.

[18] *Марков А. В.* Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении // Богословский вестник. 1910. № 6. С. 357—367; № 7—8. С. 415—425.

[19] *Адрианова В. П.* Житие Алексея человека божия в древнерусской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

[20] *Соколов Б. М.* Большой стих о Егории Храбром. Исследования и материалы. М., 1995.

[21] *Кирпичников А. И.* Источники некоторых духовных стихов // ЖМНП. 1877. Октябрь. С. 133—150.

[22] Там же. С. 150.

Ю. А. Яровского, А. В. Рыстенко, Б. М. Соколова[23] и др. В них более детальную разработку получает проблема периодизации духовных стихов. Фундаментальное положение Ф. И. Буслаева о гетерохронности произведений этого жанра, поддержанное В. Варенцовым, П. Бессоновым и другими исследователями, нуждалось в детальном приурочении сюжетов к той или иной группе.

Выявляя общий принцип исторической периодизации духовных стихов, А. Марков подчеркивал необходимость установления идеологической связи духовного стиха с тем или иным историческим периодом: «...Духовный стих, как и всякое другое литературное произведение, носит остаток эпохи, когда он создан или когда получил обработку, изменившую его первоначальный вид»[24]. Поиски соответствующих элементов в содержании и образном строе, дающие возможности с некоторой точностью определить время первоначального возникновения духовного стиха, по А. Маркову, должны стать основным средством их хронологизации.

Вопрос о специфике русских духовных стихов сравнительно с западными впервые поднимает Е. Ф. Будде. По мнению исследователя, «наши Духовные стихи, смешивая два элемента, по своему составу есть нечто среднее между произведениями безыскусственной поэзии и личной, искусственной... Этим они отличаются от духовных произведений других народов, которые в большинстве случаев плод личного творчества, тогда как наши духовные стихи суть плод поэтического творчества целого народа»[25].

Как произведение синтетического словесно-музыкального жанра духовный стих становится объектом пристального внимания и музыковедов. В работе А. Я. Маслова заложена основа для изучения напева как второй (наряду с текстом) составляющей единого художественного целого. По заключению исследователя, «народные духовные стихи есть не что иное, как демественное пение наших предков, под именем которого разумелось религиозное, но внебогослужебное пение»[26]. Совершенно противоположный вывод сделан М. И. Сперанским[27], который обосновал прямую зависимость мелоса духовных стихов от церковного пения. Лишь некоторые музыкальные мотивы, по мнению ученого, разрабатывались самими певцами.

Завершением исследований, выполненных в русле культурно-исторического направления, стал труд В. П. Адриановой «Житие Алексея человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности», посвящен-

---

[23] *Яровский Ю. А.* Указ. соч.; *Рыстенко А. В.* Легенда о святом Георгии и драконе в Византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909; *Соколов Б. М.* Большой стих о Егории Храбром.

[24] *Марков А. В.* Указ. соч. № 6. С. 358.

[25] *Будде Е. Ф.* Место и значение духовных стихов... С. 2—3.

[26] *Маслов А. Я.* Указ. соч. С. 3.

[27] *Сперанский М. Н.* Указ. соч.

ный всестороннему изучению этого духовного стиха. Подвергая детальному пересмотру вопросы о личности творцов и исполнителей стиха, воздействии на них общественной литературной среды, характере и роли книжных и иконографических источников и т. д., В. П. Адрианова на основе анализа 74-х текстов подтверждает предположение об одном общем «родоначальнике» всех поздних перепевов стиха о святом Алексии. Роль слагателя стиха, по мнению исследователя, выражается не только в самостоятельном сокращении книжного источника, но и в переработке некоторых эпизодов жития, при которой автор опирался на свой вкус и мировоззрение. На основе косвенных доказательств В. П. Адрианова, говоря о времени создания стиха, склоняется к XVII веку, когда житие было особенно популярным. Но это «предположение допустимо лишь при одном условии: если мы принимаем, что автором стиха о святом Алексие был человек, далекий от современных ему литературных течений, так как особенности виршевой литературы не оставили в нашем стихе никаких следов»[28].

Итак, исследования культурно-исторического направления, в которых авторы обращаются к более детальному текстологическому изучению духовных стихов, явились следующим заметным шагом в развитии фольклористики.

В советское время в силу идеологических причин духовные стихи как жанр народной поэзии оказались на периферии исследовательского и читательского внимания. На этом фоне большую ценность представляет работа русского эмигранта Г. П. Федотова, написанная в 1935 году, но опубликованная в нашей стране только в 1991 году[29]. Рассматривая стихи с идеологических позиций, автор отмечает отклонение некоторых из них от ортодоксального христианского учения и включение в них языческих элементов, аргументируя это текстовой близостью духовных стихов с заговорами (например, «Сон Богородицы», «Егорий Храбрый» и др.). Говоря о духовных стихах, Г. П. Федотов подчеркивает их особую значимость для изучения народной аксеологии как «самого высокого художественного выражения в основе народной веры»[30].

За единственным исключением (учебное пособие Ю. М. Соколова[31]) духовные стихи долгое время оставались за пределами вузовских курсов фольклора советского периода. Изучение духовных стихов возобновилось в конце 60-х — начале 70-х годов. В этот период закладываются основы лингвофольклористического исследования произведений этого жанра. В работах А. Н. Робинсона и А. Белоусова поднимаются вопросы о самостоятельности стихов о Лазаре, их идейном своеобразии в толковании общеизвестного сю-

---

[28] *Адрианова В. П.* Указ. соч. С. 432.

[29] *Федотов Г. П.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.

[30] *Федотов Г. П.* Указ. соч. С. 124.

[31] *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1941.

жета Евангельской притчи[32]. Ю. А. Новиков рассматривал проблемы бытования и эволюции духовных стихов на Севере[33]. В новом аспекте были исследованы духовные стихи о Страшном суде В. М. Хачатуряном[34], который проследил своеобразную «обратную эволюцию» влияния народных произведений на книжные источники и, в частности, на изменения в апокрифе «Хождение богородицы по мукам», первоначально служившем книжной основой духовному стиху. Роль народного мировоззрения в судьбе книжного источника на примере стиха «Плач Адама» освещается в работе О. А. Савельевой[35]. Эволюция мировоззрения народа, представленная в духовных стихах «Голубиная книга» и «К плоти», прослеживается на основании принципа антитезы в работе В. Н. Топорова[36]: плоть, победно выступавшая в стихе о Голубиной книге, становится средоточением греха, источником гибели, уступая место бестелесности, бесплотности, душе.

Одним из зачинателей лингвофольклористического изучения стихов стал В. В. Колесов, который поставил своей задачей установить степень взаимовлияния духовного стиха и плача, определив пределы языкового варьирования. Анализ стихов «Плач Адама» и «Алексей человек божий» позволил аргументировать тот факт, что «развитие духовного стиха шло по линии распространения «плача» как основной формы выражения личного чувства»[37].

К исследованию духовных гимнов на синтаксическом уровне обратился З. К. Тарланов. Рассматривая сложные синтаксические конструкции гимнов евангельских христиан-баптистов на примере тематических групп «Любовь Божия», «Молитвенные», исследователь отмечает их явное тяготение к тра-

---

[32] *Робинсон А. Н.* К проблеме «богатства» и «бедности» в русской литературе XVII в. (Толкование притчи о Лазаре и богатом) // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 124—156; *Белоусов А.* Из наблюдений над русским духовным стихом. I. «Два брата Лазаря» // Quinauagenanio: Сб. ст. молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1972. С. 50—66.

[33] *Новиков Ю. А.* К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор. Л., 1971. Т. 12. С. 208—220.

[34] *Хачатурян В. М.* Отражение народных представлений в апокрифе «Хождение богородицы по мукам» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1982. № 5. С. 71—77.

[35] *Савельева О. А.* «Плач Адама». Круг источников и литературная семья памятника // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 164—182.

[36] *Топоров В. Н.* «Голубиная книга» и [«К плоти»]: состав мира и его распад // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. М., 1988. С. 169—174.

[37] *Колесов В. В.* Язык и стиль фольклорного плача и духовного стиха // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 15—25.

дициям памятников книжной культуры русского народа и отдаление от канонов традиционной устной поэзии[38].

Характерные поэтические формулы духовных стихов, названные паронимическими наложениями, рассмотрены в интересной работе А. И. Зайцевой[39].

Внимание исследователей все больше привлекает старообрядческая поэзия, ставшая предметом изучения в работах С. Е. Никитиной[40], В. В. Семакова[41]. Наиболее значительное исследование духовных стихов представлено в монографии С. Е. Никитиной (1993). Этот труд представляет собой существенный вклад в русскую лингвофольклористику. Опираясь на обширный и мало исследованный материал устных традиционных текстов русской народной культуры, главным образом старообрядческой, автор впервые поднимает важнейшие проблемы языкового сознания, рассматривая словарь духовных стихов в контексте языковой личности и народной филологии. Решая вопросы атрибуции жанра, С. Е. Никитина опирается на две конституирующие особенности духовного стиха: его функционирование в народной среде и генетическую связь с письменной культурой, — которые она прослеживает в языковой ткани духовных стихов как «двуязычность и двустильность, проявляющиеся на всех языковых уровнях»[42]. Новаторски звучит данная автором содержательная характеристика духовного стиха, объединяющая все его виды. Новаторство заключается в том, что подчеркивается ценностная ориентация, отличающая данный жанр: «В духовном стихе ценность представляет личность покорная Божьей воле, главным достоинством ее является истинная вера, нравственная чистота, готовность к покаянию. В духовном стихе преобладает этическая оценка, присутствующая во всех текстах этого жанра. Именно этот тип оценки и является главным фактором, объединяющим все духовные стихи»[43]. Теоретическая ценность исследования С. Е. Никитиной многократно возрастает благодаря разработанному опыту словаря — тезауруса, составленного на основе текстов традиционного поэтического светского фольклора (главным образом, свадебного) и духов-

---

[38] *Тарланов З. К.* Заметки о синтаксисе гимнов русских баптистов // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1992. С. 81—96.

[39] *Зайцева А. И.* Паронимическое наложение в поэтических формулах духовных стихов как результат взаимодействия двух речевых культур // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1992. С. 96—103.

[40] *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993; *Она же.* Концепты судьбы в русском народном сознании (на материале устнопоэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте русских культур. М., 1994. С. 130—136; *Она же.* Народная словесность и народное христианство // Живая старина. 1994. № 2. С. 8—12.

[41] *Семаков В. В.* Поэтика глагольной формы в старообрядческом духовном стихе // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1996. С. 5—22.

[42] *Никитина С. Е.* Устная народная культура... С. 55.

[43] Там же. С. 141.

ного стиха. Цель словаря — показать, какими языковыми единицами выражается и структурируется народное сознание в народных же текстах.

В. В. Семаков проанализировал языковые особенности духовных стихов Выга («Стих преболезненного воспоминания озлоблении кафоликов») на примере глагольных форм, которые в наибольшей степени актуализированы в тексте.

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что в целом духовные стихи во многих аспектах изучены гораздо в меньшей степени, чем другие жанры фольклора. Так, синтаксис остальных жанров хорошо обследован в трудах З. К. Тарланова, Е. Б. Артеменко, В. М. Гацак, С. Г. Лазутина, Л. В. Капорулиной, В. В. Чернышева, Л. В. Савельевой, Е. А. Калашниковой. Жанрово-стилистические особенности в функционировании многих других языковых единиц освещаются в работах А. Т. Хроленко, В. И. Ереминой, О. А. Черепановой, С. А. Авдеевой, М. А. Баранниковой, Н. Д. Гусаровой, И. П. Ивановой, М. Б. Михайловой и др. На этом фоне продолжает оставаться весьма актуальной задачей исследование основных лингвопоэтических параметров духовных стихов.